

Уже в 1933 году «в порядке самообложения» с каждой личной коровы колхозник должен был сдать 400 литров молока, с каждой курицы, включая петухов, 200 яиц. Но переработать многое из того, что отбиралось у крестьян, было уже негде: кооперативные предприятия к тому времени уничтожили. Откуда ж взяться маслу и сыру?

Масло- и сыроделие ушло на периферию экономической жизни. К примеру, в 1990 году, объём экспорта этой продукции в крае уменьшился в 70 раз.

Но подвижники пытались сохранять традиции и опыт.

В 1931 году сыродел завода в селе Алтайском Дмитрий Граников освоил новую технологию производства нового твёрдого сыра, получившего название «Советский». Досужие люди подсчитали, что за полвека, к 1981 году, на Алтае было выработано около 150 тысяч тонн этого сорта сыра, край занимал первое место в стране по его производству.

Сегодня на Алтае свыше 50 сыродельных заводов, несколько десятков маслодельных предприятий. Многие из них, к сожалению, технологически устарели, нуждаются в реконструкции. Но осталось хорошее сырьё, которое рано или поздно будет востребовано для производства качественного сыра и масла.

Неизбежно возродится и широкое кооперативное движение, поскольку оно исключает эксплуатацию членов организации и предполагает их равенство. Где вклад каждого абсолютно равен, так же как и доход. А у каждого пайщика — всего лишь один голос. И никаких тебе буржуйских контрольных пакетов акций! Недаром немарксистские теоретики ставят знак равенства между кооперацией и социализмом. Чего ж у нас от сплошной коллективизации кинулись в другую крайность — к крайнему индивидуализму?! Но как же индивидууму выжить без объединения в условиях глобализации и иных современных вызовов?! Другими словами — без кооперации!

НОВАЯ РОССИЯ

Так хотел назвать государство на островах в Тихом океане Иннокентий Серышев, живший в Австралии. Прежде он служил священником в селе Верх-Жилино Косихинской волости Барнаульского уезда, а накануне эмиграции работал секретарём Алтайского культурно-просветительного союза.

Проект решения «русского вопроса»

В 1936 году, спустя полтора десятилетия мыканья по заграницам, Иннокентий Серышев выдвинул невероятный по масштабам и значению проект, который он назвал Новая Россия.

В одном из номеров сиднейской газеты «Утренний Герольд» русский эмигрант обнаружил заметку «Острова Пасифика (Океании — А.М.) на продажу». В ней указывалось, что «по сообщению нашего специального корреспондента из Лондона, острова Фаннинг и Вашингтон предложены к продаже».

Иннокентий Серышев собрал информацию по заинтересовавшей его теме. Оба острова действительно подходили для заселения. Их продавцом выступала английская компания «Фаннинг Остров», которая уже около 20 лет занималась разведением в Океании кокосового ореха, из ядра которого — копры — добывалось кокосовое масло.

Серышев через газету «Новая заря», выходящую в Сан-Франциско обратился с призывом к зарубежным соотечественникам: «Это небольшие острова и, вероятно, сравнительно недороги. Не купить ли их русским эмигрантам, угнетаемым в Европе?»

К середине 1930 годов русская эмиграция находилась в кризисе. Кроме бытовых неудобств, безработицы и ностальгии её вытеснению из Европы и Азии способствовало распространение фашизма, а также разрастание военных конфликтов на Дальнем Востоке. К тому же Лига Наций постепенно сокращала помощь беженцам из России, а к 1939 году окончательно заморозила её.

На таких же, как он, бывших соотечественников, имевших случайный заработок, и рассчитывал отец Иннокентий. В открытом письме в редакцию газеты «Новая заря» он призывал: «Я предлагаю смело взяться за опыт, в котором вижу единственный выход, — создание своего отдельного, самостоятельного нового государства, нечто вроде Новой России».

По мнению Серышева, за основу можно было взять опыт образования Новой Зеландии и Австралии, как доминионов Англии либо Новой Англии — района в северо-восточной части США.

5 мая 1936 года он опубликовал в «Новой заре» экономические расчёты, учитывающие возможную численность переселенцев и размеры островов, предполагаемый экспорт местных товаров и способы их перевозки. Серышев считал возможным и решение финансовой составляющей проекта: необходимую сумму могли бы внести европейские государства, страдавшие «от тяжести русского вопроса».

Проект создания Новой России получил поддержку, как среди эмигрантов, так и среди экспертов. К примеру, известный общественный деятель Иосиф Окулич предложил видным представителям русской эмиграции в Париже и Женеве Василию Маклакову и Михаилу Фёдорову выяснить возможности для «создания крупной русской колонии» в ходе правительственных консультаций с Англией и Францией.

«Вот тебе и поп!»

Иннокентий Серышев родился более 130 лет назад, 14 августа 1883 года в казачьей станице Большекударинской, ныне село Большая Кудара Кяхтинского рай-

Иннокентий Серышев — священник, эсперантист, издатель

она Бурятии у границы с Монголией. Отец его был священником, что предопределило дальнейшую судьбу юноши. Хотя, после окончания в 1900 году семилетнего образования в Троицкосавском реальном училище, три года учился на механическом факультете Томского технологического института. Но точные науки не привлекли юношу, он, «к удивлению и огорчению профессуры, у коей считался хорошим студентом», решил уйти из вуза. Уехал в деревню, стал преподавать в школе.

Как-то раз, подвыпивши, в разговоре с солдатами он критически высказался о русско-японской войне, за что его арестовали. Серышеву грозила ссылка, а, возможно, и более суровое наказание — вплоть до расстрела. Однако Серышева выпустили на поруки, после этого он дал обет никогда не пить и не курить, чему следовал до конца своей жизни. Потом, когда в 1914 году в России был введён

«сухой закон», возникло движение за трезвый образ жизни, организовал одно из обществ трезвости.

Иннокентий Николаевич занялся богословием. 16 января 1906 года он был рукоположен в сан священника и направлен в дальний приход Забайкалья. До 1913 года отец Иннокентий возглавлял православные приходы в отдалённых селениях Доронино и Шергольджин, затем был переведён в Томскую епархию, в село Верх-Жилино Косихинской волости Барнаульского уезда.

Учителем в ту пору в этом селе работал Адриан Топоров, (о нём в этой книге речь впереди) позже написавший, в том числе и воспоминания об отце Иннокентии: «...Школа моя считалась министерской, но уроки закона божьего были обязательны. Явился поп на первый урок и отрекомендовался: — Священник Иннокентий Серышев.

Передо мною стоял высокий стройный человек лет тридцати трёх с тонким, одухотворённым лицом и умными светлыми глазами. Был он коротко подстрижен, на шее — воротник из голландского полотна... Я таких попов сроду не встречал.

Окончив урок, он пригласил:

— Заходите вечером... Потолкуем.

Дом его стоял позади церкви, был прост и чист. Проходя, я заметил кладовые, амбары, и, главное, баню по-белому. В гостиной возликовал: увидел пианино. Жил священник с женой и тётшей. Детей не было. Жена нисколько не походила на дебелую сельскую попадью. Весёлая, молодая, шутница, хохотунья, певунья, плясунья. Отец Иннокентий называл её Катюшей, она его — Кешей.

Разговорились легко, и я узнал, что поп окончил в юности реальное училище, потом окончил Томский политехнический институт. Образован был

**Иннокентий, Екатерина Серышевы и их сын Михаил.
Сидней, 1928 год**

прекрасно, владел пятью или шестью языками, играл на фортепьяно, пел, запоем читал. Мне и до сих пор не понятно, с чего этот умнейший политехник перекинулся вдруг в попы.

Обширный его дом показался мне своеобразным музеем. На полках, на этажерках, в шкафах лежали у него археологические, ботанические, энтомологические, минералогические коллекции. Библиотеку он тоже

собрал богатейшую — энциклопедии, словари, справочники, сотни научных философских, художественных книг. И не увидел я ни молитвенников, ни «житий», ни религиозно-нравственных поучений.

Позже я узнал ещё об одной «прихоти» отца Иннокентия: он охотно давал на прочтение книги любознательным прихожанам. Этим воспользовался, конечно, и я. А в первое посещение обратил внимание на груды рукописей, лежавших на письменном столе хозяина дома, на картины, написанные акварелью и маслом, принадлежавшие его кисти...

«Вот тебе и поп!» — подумал я...

Работа по просвещению деревни

Учитель Топоров продолжал вспоминать о встречах со священником Серышевым: «Батюшка же, как понял я, очень много работал, писал статьи в петербургский журнал «Трезвые всходы», издавал брошюры против пьянства, книги о кооперации, об изучении эсперанто, — словом, был это труженик, трезвенник, одарённый человек.

И я несколько не удивился, когда позже, сразу после Февральской революции, он сбросил рясу и начал работать секретарём Алтайского культурно-просветительного союза. Союз этот издавал учебники, книги и журнал «Сибирский рассвет», привлекая таких писателей, как Павел Низовой и А.С. Новиков-Прибой.

Уезжая в Барнаул, Серышев сделал крестьянам драгоценный подарок — передал школе большую часть своей библиотеки».

Сам Иннокентий Николаевич вспоминал о времени работы в Барнауле так: «Во главе отдела стояли эсдеки, эсеры и даже было несколько большевиков. То, что они пригласили меня, священника, на такой ответственный руководящий пост, показывает, что они оценили мою искреннюю бескорыстную работу для народа... Мы раскинули по всей губернии сеть сельских культурно-просветительских обществ под руководством учителей, писарей, кооператоров и священников; издавали политлистки, учредили склад... диапозитивов для лекций, театральный склад; посылали инструкторов в сёла; послали научную экспедицию на Алтай для сбора растений, издали в папках гербарий целебных растений с описанием, как и когда их собирать и как их употреблять. Словом, вели громадную... работу по просвещению деревни».

В 1919 году Серышев принял предложение от профессора ботаники Добрынина из Чемала занять должность секретаря внешкольного отдела Каракорум-Алтайского уезда. Идею создания на территории Горного Алтая сети культурно-просветительских организаций поддержало и даже готово было финансировать министерство народного просвещения правительства адмирала Колчака. Однако, как вспоминал впоследствии Иннокентий Серышев, революционные события «не допустили нас до осуществления выработанных планов», так как началось «народное восстание против Колчака, а на Алтае — против интеллигенции... Из сёл бежали иереи, писаря, учителя, кооператоры, земцы. Наше земство самоизолировалось, нас эвакуировали в Бийск».

Серышев вновь перебрался в Барнаул. Выхлопотал в Министерстве народного просвещения «безденежную командировку» в Японию для изучения тамошней системы народного образования.

Впрочем, существует версия, что он выехал во Владивосток, чтобы приобрести бумагу для выпуска книг на Алтае.

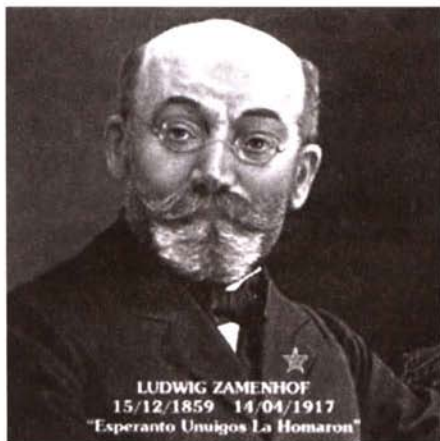
Международный язык общения

Но было ещё одно удивительное увлечение, которое на долгие годы захватило Иннокентия Серышева — в 1909 году он познакомился с эсперанто. Этот искусственный международный язык изобрёл в 1887 году варшавский врач-окулист Людвиг Заменгоф.

Классик русской литературы Лев Толстой так отзывался об эсперанто: «Лёгкость обучения его такова, что, получив лет шесть тому назад эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанные на этом языке, я после не более двух часов занятий был в состоянии если не писать, то свободно читать на этом языке».

Немало видных деятелей советской науки и культуры — Максим Горький, Константин Циолковский, Леонид Красин, Александр Беляев, Александр Ферсман, Сергей Обручев, Михаил Исаковский были горячими сторонниками эсперанто.

Современные авторы, пишущие на международном языке, есть в Австралии, Англии, Индии, Венгрии, Хорватии, Венесуэле. Немало классических литературных произведений, в том числе Хемингуэя, Толкина, Маркеса, Булгакова, Цао Сю-

**Людвиг Заменгоф,
создатель эсперанто**

эциния переведены на этот язык. На эсперанто выходит более сотни журналов и газет, вещают радио-и телекомпании. Количество сайтов на эсперанто исчисляется сотнями тысяч.

У любителей этого языка есть свой праздник: 26 июля отмечается как День эсперанто. Именно 26 июля 1887 года Людвиг Заменгоф опубликовал учебник по эсперанто — так называемую «Первую книгу».

Иннокентий Серышев, списавшись с иностранными корреспондентами, вместе с сестрой Варварой в 1910 году совершил путешествие по 13 странам Европы.

В статье «Заграничные путешествия крестьян и рабочих» он отмечал, что «ныне имеется волшебное слово, которое подобно

сказочному слову «Сезам» растворяет двери чужеземцев, открывает их объятия, даёт доступ к их душам. Это магическое слово «Эсперанто»...

Эсперанто именуется вспомогательным, международным, вторым для каждого языком: каждый человек должен знать два языка — свой родной для сношений с единоплеменниками и эсперанто для сношения с любым иноплеменником.

На языке эсперанто и грамматика, и словарь необычайно легки. Этим языком ныне пользуются люди с различными целями — люди науки; студенты, желающие учиться за границей; коммерсанты, журналисты, коллекционеры; в целях профессионального объединения, для организации всемирных конгрессов (съездов) и союзов; путешественники (туристы) и экскурсанты».

Молодой священник, будучи убеждённым эсперантистом, по собственному признанию, «вёл переписку с 200 корреспондентами из 80 стран мира».

Хризолитовая звёздочка

Иннокентий Серышев заразил этим увлечением и многих своих знакомых на Алтае. В том числе педагога и писателя Адриана Топорова, который в свою очередь, обучал эсперанто детей сельской коммуны «Майское утро», включая и Степана Титова — отца будущего космонавта Германа Титова.

Верхжилинский учитель Адриан Топоров рассказывал об этом в автобиографической книге «Я — учитель»: «Едва приехав в село, я увидел на заборах, наличниках, на берёзах и соснах, даже на церковной стене странные плакаты. Зелёные пятиконечные звёзды венчали их сверху, под ними был текст «Vivi Esperanto!» Изучайте международный вспомогательный язык эсперанто, самый лёгкий язык мира, дружбы и братства народов!»

— Кто это наклеил? — спросил я у мужиков.

— Батюшка, отец Иннокентий. Ён этим шибко занимается.

И на шёлковой рясе священника была наколота хризолитовая звёздочка с теми же буквами «Esperanto».

Далее Адриан Топоров отмечал: «Потом показал он мне роскошные альбомы с цветными иллюстрациями, изображавшими природу, одежды, быт едва ли не всех стран земного шара, и пояснил:

— Всё это — дары эсперантистов.

— Держитесь! — засмеялась попадья Катюша. — Теперь сядет на своего конька.

Действительно, тут же мне пришлось выслушать лекцию о международном языке, об авторе его докторе Заменгофе, о том, что благодаря эсперанто народы наконец-то поймут друг друга, а значит, кончатся раздоры и наступит мир, братство, всеобщее благоденствие. Увы, если бы дело было только в языке! Но тогда странный священник увлёк меня, последним доводом была фундаментально изданная книга «Siberio» («Сибирь»), на титульном листе которой значилось имя автора: Inocento Serishev (Иннокентий Серышев)...

Хорошо помню первую зиму в Верх-Жилинском. Я изучал эсперанто, довольно быстро осилил и мог, сидя в захолустном селе, переписываться с людьми, живущими по всей планете. Был даже принят в члены международной ассоциации эсперантистов, центр которой находился в Женеве».

А Степан Титов в 1980 году в книге «Два детства» так отзывался об Иннокентии Серышеве: «На эсперанто он выпустил, например, книгу «Страна самураев» — о своих скитаниях по Японии, а заодно о системе образования в этой стране...

Самого же его больше не видел, следы потерял, думал, что давно его и на свете нет. Как вдруг — впрочем, не вдруг, а всё после того же полёта Германа Титова — получил авиаписьмо на языке эсперанто из Сиднея. От кого же? От Иннокентия Серышева! Сообщил мне, что только в Австралии соединился с женой, но потом скончалась Катюша, он один доживает свой век, родину помнит и меня не забыл.

Мы переписываемся и поныне. У Иннокентия Николаевича есть давняя привычка нумеровать все письма своим корреспондентам. Последнее письмо ко мне пометил номером 11218. В нём пишет, между прочим, что в Русском институте Колумбийского университета лежит его автобиография в пяти томах... Чего там только нет! Он ведь объездил всю Европу, всю Азию, говорил речи в лондонском Гайд-парке, был рикшей в Пекине, уличным торговцем в Токио, обошёл с посохом всю Австралию. Пишет, что, конечно же, многое сказано у него о любимой Сибири...

О, судьбы русские! Но не поразительны ли трудолюбие, жизнестойкость, энергия этого человека! Горько сознавать, что они потеряны для большой науки...»

В эмиграции

Так получилось, что Серышев больше в Россию не вернулся.

В 1920–1922 годах отец Иннокентий жил в Японии, изучал японскую систему образования, в 1924 году издал на эсперанто книгу «Страна самураев». К тому времени он уже перебрался в Китай. Жил в Харбине и Пекине, где преподавал в же-

лезнодорожной школе и китайском колледже. В середине 1920-х годов Серышев эмигрировал в Австралию, куда к нему приехала супруга Екатерина Фёдоровна.

Иннокентий Николаевич сменил много профессий: работал в железнодорожной школе, был наборщиком и печатником в типографии учебного отдела Китайско-Восточной железной дороги. В Австралии к моменту приезда туда Серышева не было русских приходов, и ему приходилось зарабатывать на жизнь в качестве разнорабочего.

Его биограф Иннокентий Суворов писал, что в Сиднее русский священник около года работал в частной гостинице, где доил коров, таскал уголь, чистил кузню, мыл ванны и уборные и так далее. Два месяца был кухонным мужиком в католическом пансионе-колледже, потом мыл посуду на 500 столовников. Год работал на стекольном заводе, два месяца — на уборке ремонтируемых домов, а теперь вот, в 1939 году уже около двух лет работает по ночам в русском ресторане — моет и полирует полы и чистит кухню — всё за гроши!

Несмотря на материальные трудности, отец Иннокентий начал создавать библиотеку при «Русском клубе», который объединял эмигрантов из России. Однако не получил поддержки со стороны бывших соотечественников. Отказавшись от общения с русской колонией, он создал публичную библиотеку «Ориенто» в Сиднее, которая действовала до начала 1960 годов.

Ещё в годы жизни в Китае Серышев основал издательство «Ориенто», что в переводе с эсперанто означает «Восток». На скромные собственные средства выпускал одноимённый журнал религиозно-востоковедческой направленности. Естественно, на языке эсперанто.

Из-за материальных трудностей издательскую деятельность удалось возобновить в Австралии только через семь лет. Серийные русскоязычные сборники «Церковный колокол», «Церковь и наука» размножались либо на пишущей машинке, либо репринтным способом, а переплетались вручную. Также он выпускал журналы востоковедческой, религиозной и культурологической тематики «Австралия», «Азия», «La Pacifiko», «Православие» и «Русская культура». Для бывших соотечественников Серышев издал 12 номеров «Лечебного сборника», посвящённого традиционной русской народной медицине, средствам «простого лечения». Большой популярностью среди них пользовался и журнал «Путь эмигранта», издаваемый им с 1935 по 1945 год. Его читали русские люди, проживающие более чем в десятке стран мира, включая Египет и другие страны Африки. Следует отметить, что отец Иннокентий совмещал все эти занятия со службой в православных храмах.

Степан Титов, списавшись в 1960-х годах с Иннокентием Серышевым, отмечал, что тот «на английском, который тоже знал в совершенстве, издал капитальный альбом о деятелях русской культуры. Наряду с биографиями Сеченова, Мечникова, Павлова, Кони, Плевако, Сикорского, включил в него жизнеописания княгини Ольги, епископа Тихона Задонского, Святого Сергия и т.п. Многие сочинения И.Н. Серышева хранятся, как я узнал, в Ленинской библиотеке в Москве».

Надо сказать, что немало материалов он передал и в Музей русской культуры в Сан-Франциско. Достаточно сказать, что здесь хранится переписка Серышева, охватывающая период с 1891 по 1955 год с видными деятелями эмиграции Владимиром Зензиновым, Павлом Корженевским, Михаилом Зароченцевым, Антоном Фаминским, Павлом Шкуркиным, православными епископами Василием и Серафимом, отцом Петром Булгаковым.

Амир Хисамутдинов, современный исследователь жизни и творчества бывшего нашего земляка отмечает, что Иннокентий Николаевич прожил долгую, трудную жизнь, но самыми тяжёлыми оказались последние годы. Он постоянно находился в стеснённых обстоятельствах, откладывая гроши на свои издания. Очень часто недоедал. Имея непростой и бескомпромиссный характер, отец Иннокентий не находил поддержки у окружающих. Работал порой до изнеможения, трудился над своими проектами до последнего дня. Многие из них остались в рукописях.

Особенно ценными являются его воспоминания. В них он описывает свою жизнь в Забайкалье, события революции и Гражданской войны на Алтае и Дальнем Востоке, деятельность в Японии, Китае и Австралии; много страниц посвящено этнографическим наблюдениям.

Протоиерей Иннокентий Серышев умер 23 августа 1976 года в возрасте 93 лет. Похоронен на русском православном кладбище Ботани в Сиднее рядом с Екатериной Фёдоровной, скончавшейся в 1963 году.

Новый центр мира

Отец Иннокентий считал, что Азия и Океания становятся центром геополитической жизни. Об этом свидетельствовало национальное пробуждение Индии и Китая, паназиатские идеи, имевшие хождение в Монголии и Японии.

Он утверждал, что «Азия будет ареною великих событий. И это не за горами. Азия — колыбель человечества. Отсюда вышли все народы Земли. Это — лоно человечества, матка Земли, выведшая все племена и роды. Здесь альфа, начало истории человечества, здесь, надо думать, она будет иметь своё омега, конец... Культура Азии — древнейшая, и она менее материалистична, чем культура Запада и Нового Света... Одряхлевший мир белой расы стоит над бездною... Мы стоим на смене эпох и, может быть, культур... Как бы там ни было, мы имеем все данные зорко всматриваться в Азию — там идёт огромный процесс... формирования Нового мира... Вот причина, почему я издаю журнал «Азия».

...Предлагая создавать государство Новая Россия на крохотных островах в Тихом океане, отец Иннокентий понимал, что русская эмиграция раздроблена, утратила духовные силы. Существовали и проблемы преодоления дипломатических трудностей. Лишь совместными международными усилиями можно было добиться от англичан уступок в предоставлении эмигрантам двух островов. Также инициатор проекта знал, что предстояло решить не менее сложную задачу: побороть «русскую инертность, вечную оппозицию всякой новой идее... критицизм и личные счёты».

Всё это усугубляло ситуацию...

Ну, а какова судьба всего того, что связано с Серышевым?

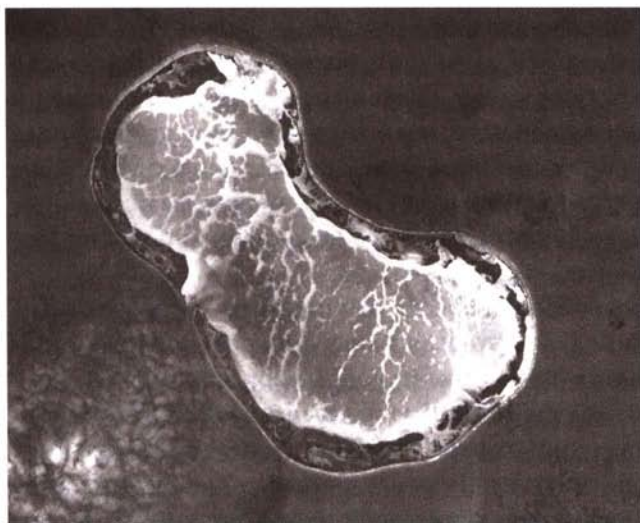
В центре села Верх-Жилино Косихинского района, кажется, ещё цел дом, в котором жил необычный священник. Однако его книги, подаренные местной школе, не сохранились. Ни в музее Верх-Жилина, ни в районном краеведческом, ни в музее космонавтики имени Германа Титова нет никаких документальных свидетельств о человеке, принимавшем деятельное участие в воспитании родителей второго космонавта планеты.

Последнее при жизни Серышева упоминание о нём в Барнауле было в начале февраля 1922 года, когда отец Иннокентий уже три года жил в эмиграции — в городской общественной библиотеке проходила выставка «Эсперанто». Указывалось, что именно он являлся автором замысла экспозиции, а организована она обществом эсперантистов Барнаула. На выставке были представлены открытки, полученные из 80 стран, журналы и книги, диаграммы, рисующие распространение эсперанто по всему миру.

Спустя много лет, в 1964 году, был распределён в Барнаул выпускник одесского вуза Анатолий Гончаров, который создал здесь эсперант-клуб «Оазо». В 1970-х — начале 1980-х годов он насчитывал несколько сот членов.

Кокосовый рай?

А те самые острова Фаннинг и Вашингтон, которые Иннокентий Серышев предлагал бывшим соотечественникам выкупить, чтобы создать государство Новая Россия, ныне входят в состав Республики Кирибати. Это тихоокеанское государство расположено в центральной части Тихого океана, в Микронезии и Полинезии, южнее Гавайских островов.

Фаннинг-Табуаэран — священный след

Республика Кирибати состоит из трёх архипелагов (Гилберта, Феникса и Лайн), в состав которых входят свыше 30 маленьких коралловых атолла, двадцать из них — необитаемы. Население государства сейчас насчитывает 113 тысяч человек. В основном это аборигенное население кирибати и потомки от смешанных браков. Доля иностранцев в стране едва превышает 500 человек. Столица — Южная Тарава.

Остров Фаннинг ныне носит название Табуаэран (в пе-